

Полежаева Светлана Серафимовна

**СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ,
ОПИСЫВАЮЩИХ КАУЗАЦИЮ СУБЪЕКТОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ У СЕБЯ
САМОГО И У ДРУГОГО ЛИЦА**

В статье рассматриваются конструкции с эмотивными глаголами, описывающими каузацию субъектом собственного эмоционального переживания и эмоционального переживания другого лица. Анализируется возможность/невозможность трансформации предложений с возвратным глаголом в предложения с переходным глаголом и прономинализованным местоимением себя. Факторами трансформации являются семы 'целенаправленность', 'намеренность' каузации и др., по-разному актуализируемые в семантической структуре глаголов, описывающих каузацию субъектом эмоционального переживания его личной сферы или сферы другого лица; ими же обуславливается набор участников ситуации и распределение их семантических ролей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 150-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8.81.811

Филологические науки

В статье рассматриваются конструкции с эмотивными глаголами, описывающими каузацию субъектом собственного эмоционального переживания и эмоционального переживания другого лица. Анализируется возможность/невозможность трансформации предложений с возвратным глаголом в предложения с переходным глаголом и прономинализованным местоимением *себя*. Факторами трансформации являются семы *целенаправленность*, *намеренность* каузации и др., по-разному актуализируемые в семантической структуре глаголов, описывающих каузацию субъектом эмоционального переживания его личной сферы или сферы другого лица; ими же обуславливается набор участников ситуации и распределение их семантических ролей.

Ключевые слова и фразы: глагол; эмотивность; каузация; возвратность; коммуникативный ранг; диатеза.

Полежаева Светлана Серафимовна, к. филол. н.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Молдова)

pssd@idknet.com

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ КАУЗАЦИЮ СУБЪЕКТОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ У СЕБЯ САМОГО И У ДРУГОГО ЛИЦА©

Причинно-следственные связи между явлениями внеязыковой действительности ярко представляют мир в развитии. Этот же тип связей пронизывает и эмоциональную сферу человека, что на языковом уровне выражается понятиями *каузальность*, *каузация*.

В логике «каузация» (от лат. *causa* – причина) определяется как «то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия» [15]. Спецификой лингвистического понимания причины является то, что в языке выражаются причинно-следственные отношения, устанавливаемые по воле субъекта, говорящий определенным образом объясняет связь событий, явлений, фактов [39, с. 121]. Языковое понимание каузации включает в себя каузативность и каузальность, ср.: «Наряду с каузативностью каузация включает и каузальность. Каузальность рассматривается как причинение через обусловленность (это так называемый каузальный комплекс: причинно-следственные, условно-следственные, целевые следственные и уступительно-следственные отношения), а каузативность – как причинение через побуждение» [44].

В языкознании каузальность рассматривается как причинность в широком смысле слова, предполагающая «такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [13; 27, т. 2, с. 563]. Вместе с тем каузативность как самостоятельная категория в [27, т. 2] не зафиксирована. Это подтверждает факт, что до сих пор еще не выработано единого мнения о сущности и объеме данной категории в русском языке, хотя каузативность как универсальная языковая категория по своим грамматическим и семантическим характеристикам тесно связана с залогом, переходностью, видом, наклонением, модальностью [17; 29].

В лингвистической литературе представлено узкое и широкое понимание каузативности. При узком понимании категория каузативности реализуется в каузативных глаголах, которые считаются ее морфологическим ядром [9, с. 17]. Традиционно под каузативными понимаются глаголы, способные выразить ту мысль, что субъект заставляет действовать, а не действует сам, ср.: *кормить*, *поить* и др.

Понятие каузативности ярко проявляется в семантике лексических единиц, называющих эмоциональное переживание (состояние) человека. В лингвистической литературе известно описание особенностей каузации различных эмоциональных состояний человека (например, страха [24]; смущения [28]; печали [5]; смеха [14] и др.).

Эмотивные каузативные глаголы выражают воздействие на объект, вызывающее изменение его состояния или деятельности. Эти глаголы в своем лексическом значении содержат сему *‘каузация’*, ср.: *беспокоить*, *тревожить*. Большая часть эмотивных каузативных глаголов имеет так называемую коррелятивную пару – глагол, отличающийся от каузативного только одним семантическим признаком – отсутствием каузативного значения (типа *волновать* – *волноваться*, *радовать* – *радоваться*) [9], однако эта точка зрения не является однозначной. Выделяются и такие глаголы эмоций, которые не имеют каузативного коррелята, что объясняется определенными деривационными и семантическими причинами.

Мы разделяем широкое понимание каузативности вслед за Ю. Д. Апресяном, А. Вежицкой, Г. А. Золотовой, Т. А. Кильдибековой и др. и понимаем ее как семантическую категорию, выражающую причинно-следственные отношения между реалиями внеязыковой действительности, т.е. как каузальность. Но для анализа семантики эмотивных глаголов важно четкое выделение и каузативности в узком смысле этого слова, т.е. как причинения через побуждение, так как при реализации именно этой семантической характеристики в значении переходного эмотивного глагола невозможна трансформация конструкции с этим глаголом в конструкцию с возвратным глаголом.

Под эмотивным переходным (прямопереходным) понимается глагол, называющий воздействие на объект, в результате чего последний изменяет свое эмоциональное состояние (типа *печалить*, *огорчать*, *обрадовать*, *рассердить*).

Термин «рефлексивный глагол» в лингвистике трактуется неоднозначно. Во-первых, с точки зрения формы, т.е. как глагол, имеющий возвратную частицу *-ся*, соотносительную с возвратным местоимением *себя* (типа *умываться, одеваться*) [38], и, во-вторых, с точки зрения содержания, поскольку слово «рефлексия» обозначает *погруженность в себя, анализ собственного психического состояния* (типа *волноваться, умиляться, горевать, досадовать*) [4; 21].

Мы придерживаемся второй точки зрения и под рефлексивным понимаем глагол, обозначающий испытываемое субъектом внутреннее эмоциональное состояние безотносительно к тому, есть в его формальной структуре аффикс *-ся* или его нет. Так, рефлексивами являются не только возвратные глаголы типа *радоваться, сердиться*, но и невозвратные глаголы типа *горевать, грустить*. Мы считаем, что в семантической структуре и переходного (типа *сердить, страшить*), и возвратного (типа *сердиться, страшиться*) глаголов содержится сема *каузация эмоциональной деятельности* субъекта. В такой трактовке мы разделяем взгляды Л. Н. Иорданской в отношении того, что эмоции, называемые такими рефлексивными глаголами, как *сердиться, страшиться, восторгаться, беспокоиться, радоваться*, называют эмоциональные состояния, вызываемые в субъекте определенной оценкой некоторого события, а не как возникающие сами по себе. Следовательно, каузативный (каузальный), т.е. причинный, компонент входит в семантику как переходных, так и непереходных глаголов [12]. Ср.: *Неожиданный приезд гостей рассердил его – Он рассердился из-за неожиданного приезда гостей*. Но такая точка зрения не является общепринятой.

Сегодня плодотворно изучается специфика глаголов типа *радоваться – радовать*, участвующих в образовании синтаксических конструкций, которые сопоставляются по следующим признакам: диатезному, формальному, семантическому, коммуникативному и др. [20; 26; 40]. Такие эмотивные глаголы не имеют единого терминологического обозначения. В отечественной науке они рассматриваются в разных терминах: как каузативы [26], как конверсивы [2; 12; 16], как глаголы с разными диатезами [20; 40], – что, по-видимому, обусловлено семантической и грамматической многомерностью этих языковых единиц.

В исследовании семантических оппозиций эмотивных глаголов мы опираемся на понятие «концептуальная структура» в трактовке Е. В. Падучевой, ср.: одной и той же ситуации может соответствовать несколько разных концептуальных структур, которые выражаются разными формальными средствами и зависят от оценки и фокуса внимания. При любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, другие уходят в фон: происходит схематизация реальной действительности. При этом затушеванные аспекты имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания [18; 19; 20].

Основываясь на взглядах Е. В. Падучевой, представим наше видение участников коммуникативной ситуации, описываемой эмотивными глаголами.

Глагольная лексема, употребленная в высказывании, описывает некую конкретную ситуацию. Ситуация на денотативном уровне понимается как фрагмент реальной действительности, а на сигнификативном – как семантическое соответствие денотативной ситуации. Мы разделяем мнение В. С. Храковского: «Абсолютная ситуация фактически представляет собой пропозицию, семантическим центром которой является предикат» [41, с. 125].

Ситуация, описываемая глаголом, предусматривает определенный набор конкретных участников – аргументов, или актантов (по терминологии Л. Теньера). Каждый из участников в той или иной ситуации выполняет некоторую семантическую роль, соответствующую определенной семантической валентности. Под семантическими мы понимаем такие валентности слова, которые присоединяют к нему синтаксически зависимые слова и каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения [1, с. 120]; под семантической ролью понимается сокращенное обозначение для компонента или связи компонентов в толковании глагола [20]. На базе ролевой структуры глагола основывается понятие диатезы. Мы понимаем диатезу как соотношение единиц нескольких планов: референтного, семантического, синтаксического и коммуникативного [20; 40].

На референтном (денотативном) уровне выделяются следующие участники ситуаций, определяемые эмотивным глаголом: Носитель эмоционального переживания и Каузатор эмоционального переживания (в дальнейшем изложении – соответственно Носитель и Каузатор). Носитель – это тот, кто испытывает определенное эмоциональное переживание (находится в нем). Каузатор – это тот (то), кто (что) вызывает (порождает) определенное эмоциональное переживание Носителя. Ср.: *Я восхищаюсь Вашим поступком; Меня изумляет его поведение* (Носитель – я, меня; Каузатор – поступком, поведение).

На семантическом уровне каждый из участников ситуации представлен определенной семантической ролью (одной или несколькими). Носитель может быть представлен семантическими ролями Агенс, Эксперимент и Пациенс. А Каузатор, выступающий при эмотивных глаголах как гиперроль, – семантическими ролями Агенс, Причина и Содержание.

Агенс – это тот, кто осуществляет эмоциональный процесс. На синтаксическом уровне Агенс выражен подлежащим. Ср.: *...все его гости, понимая его желание, старались веселить его и сами веселиться* [34] (Агенс – гости). В данной фразе, как представляется, отражается та мысль, что «Эмоция мобилизует энергию, которая ощущается субъектом как тенденция к совершению действия. Эмоция руководит мыслительной и физической активностью индивида» [28, с. 180].

Эксперимент – это тот, кто переживает, ощущает эмоциональный процесс. На синтаксическом уровне Эксперимент выражен подлежащим или дополнением. Ср.: *Я волнуясь за тебя; – Бесплатные проходки для членов фан-клуба давно закончились, – огорчает болельщиков красно-синих кассир за полтора часа до матча* [10] (Эксперимент – болельщиков).

Пациенс – это тот, кто подвергается эмоциональному изменению. Ср. в предыдущем примере Пациенс – болельщиков. Особенностью высказываний с предикатами эмоций, выраженными переходными глаголами,

является то, что семантические роли Эксперимент и Пациент могут совмещаться в одном участнике ситуации – Носителе, поскольку это лицо одновременно и воспринимающее эмоциональный процесс, и подвергающееся в результате этого восприятия эмоциональному изменению [20, с. 23].

Причина – это событие/состояние X, которому соответствует компонент $\underline{X}$ вызвал/воздействует на Y' [Там же]. Причина представлена пропозитивной лексикой (типа *приезд*), ср.: *Приезд этих гостей сердил его – Он сердился из-за приезда этих гостей* (Причина – *приезд, из-за приезда*), а также признаковой лексикой (типа *болезнь*), ср.: *Его болезнь беспокоила меня – Я беспокоился из-за его болезни* (Причина – *болезнь, из-за болезни*).

В роли Содержание выступают, как правило, имена лиц или предметов, которые являются объектом мысли Носителя эмоционального переживания. Ср.: *Эта девушка волнует меня* (Содержание – *девушка*) – **Я волнуюсь из-за этой девушки*.

Доказательством того, что Причина и Содержание – две разные семантические роли, реализуемые Каузатом, служат разные предложно-падежные конструкции, выражающие Каузатора. Причина обозначается предложно-падежной формой с предлогами *из-за, оттого*. Ср.: *Он расстроился из-за приезда гостей; Она грустила оттого, что осталась одна*. Содержание – предложно-падежной формой с предлогами *о(об), по поводу*, а также беспредложными падежными формами имен. Ср.: *Она беспокоилась о сыне; Он грустил об ушедших годах; Она обрадовалась подарку; Эта девушка волнует меня*. В качестве диагностического контекста вместо эмотивного глагола целесообразна подстановка ментального предиката, ср.: *Она думала о сыне; Он думал об ушедших годах; Она думала о подарке, Я думаю о девушке*, что невозможно при Каузаторе, представленном семантической ролью Причина.

На синтаксическом уровне каждый из участников ситуации выражен определенным членом предложения: главным членом предложения (подлежащим), второстепенным членом предложения (прямым дополнением, косвенным дополнением, обстоятельством).

На коммуникативном уровне каждый участник ситуации рассматривается с точки зрения говорящего. Если участник ситуации выражен подлежащим, то он находится в зоне Центр и, соответственно, имеет коммуникативный ранг Субъект. Ср.: *...при этих намеках графиня начинала беспокоиться и тревожно взгладывать то на графа, то на Анну Михайловну...* [33] (*графиня* – Субъект-Центр). Если участник ситуации выражен каким-либо второстепенным членом предложения, то он находится в зоне Периферия и имеет коммуникативный ранг Объект. Участник с коммуникативным рангом Объект представлен иерархически: 1) прямой Объект (выраженный прямым дополнением), ср.: *Ее смутила недосказанность молодого человека в разговоре (ее – прямой Объект-Периф)*; 2) косвенный Объект (выраженный косвенным дополнением), ср.: *Она беспокоилась о сыне (о сыне – косвенный Объект-Периф)*; 3) косвенный Объект (выраженный обстоятельством), ср.: *Он сердился из-за приезда этих гостей (из-за приезда – косвенный Объект-Периф)*.

В предложениях с возвратным и переходным глаголами, называющими эмоциональное переживание, происходит диатетический сдвиг – изменение синтаксической позиции участников с определенными ролями, в результате которого участники меняют коммуникативный ранг. Разновидностями диатетического сдвига являются: 1) расщепление ролей; 2) совмещение ролей и др. [18; 20]. Расщепление характерно для семантической роли Содержание: она расщепляется на две подроли – Мишень и Аспект. Мишень – это Каузатор, как правило, одушевленный, который своими действиями вызывает положительную/отрицательную оценку Носителя и, как следствие, изменение его эмоционального состояния. Аспект – это то действие (событие), производимое Мишенью, которое оценивается Носителем как положительное/отрицательное и вызывает его эмоциональную реакцию. Ср.: *Она веселит меня своими рассказами (она – Мишень, рассказами – Аспект)*. Совмещение семантических ролей наблюдается у Носителя эмоции, ср.: *Меня обрадовал неожиданный визит родственников*. Носитель (*меня*) представлен совмещенными ролями – Эксперимент и Пациент (Эксперимент – т.к. Носитель переживает психический процесс; Пациент – т.к. он подвергается эмоциональному изменению).

И. Далее представим наши рассуждения относительно *семантико-грамматических особенностей каузации субъектом эмоционального переживания как у себя самого, так и у другого лица в конструкциях с глагольными эмотивными предикатами* (типа *утешать < успокаивать, расстраивать > кого-либо*).

1. Каузация субъектом собственного эмоционального переживания описывается в русском языке предложениями *двух подтипов*: 1) с возвратным местоимением *себя* и 2) с возвратным глаголом с постфиксом *-ся*.

В предложениях **первого подтипа** (конструкциях с переходным глаголом и прономинальным местоимением *себя*, например: *Я утешала себя мыслью, что никто никогда не узнает этого и Я успокоил себя: «Нет, такое не может случиться»*) реализуется следующая диатеза эмотивного предиката.

Участник ситуации (его представляет лексема *себя*), на которого направлена эмоциональная деятельность Каузатора, является Носителем эмоции. Это можно доказать способом замещения однотипной синтаксической конструкцией *Он успокоил меня*. Результат каузации эмоционального переживания лица во фразах *Я успокоил себя* и *Он успокоил меня* одинаков: я спокоен. Следовательно, лексема *себя* реализует участника Носитель эмоции. Участник эмотивной ситуации Носитель совмещает несколько семантических ролей: Эксперимент, так как воспринимает эмоциональный процесс, и Пациент, так как подвергается эмоциональному изменению.

В этих же конструкциях (с переходным глаголом и прономинальным местоимением *себя*) участник ситуации, на синтаксическом уровне выраженный подлежащим (*я*), характеризуется своеобразной двойственностью.

На референтном уровне он представлен участником Каузатом, поскольку субъект сам каузирует у себя эмоциональное переживание.

На семантическом уровне Каузатор реализуется совмещенными семантическими ролями: Агенса (*я*), поскольку активно, целенаправленно каузирует у себя эмоциональное переживание, и Содержание (каузирует эмоциональное переживание *чем?* – *мыслью*).

На синтаксическом уровне Каузатор представлен подлежащим (именем лица) и косвенным дополнением (*Я утешала себя этой мыслью*) (ср. трансформированное предложение *Эта мысль утешала меня*).

На коммуникативном уровне Каузатор-Агенса находится в коммуникативном ранге Центр, а Каузатор-Содержание – на Периферии.

Семантическая роль Содержание может быть выражена в свернутом и развернутом виде, ср.: *Я утешала себя мыслью, что никто никогда не узнает этого*, где лексема *мыслью* представляет свернутый Каузатор, а придаточная часть сложноподчиненного предложения *что никто никогда не узнает этого* – развернутый Каузатор. В данном предложении развернутый Каузатор находится в постпозиции по отношению к эмотивному предикату. Вместе с тем он может находиться и в препозиции, тогда конструкция представляется в форме прямой речи и требует введения какого-либо контекстного конкретизатора для слова *мысль*, ср.: *«Никто никогда не узнает этого», – утешала я себя этой (такой желанной) мыслью*.

Свернутый Каузатор может эксплицитно не выражаться, однако синтаксическое распространение участника с семантической ролью Содержание обязательно, ср.: *Я утешала себя, что никто никогда не узнает этого*. Кроме того, очень распространены в языке синтаксические конструкции, в которых семантическое распространение каузирующего компонента оформляется прямой речью, ср.: *«Должно, померещилось спяну», – успокоил себя Чонкин и вошел в избу* [6]. В данном предложении развернутый Каузатор-Содержание передан в форме прямой речи. (Отметим, что в анализируемой фразе из романа В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» использована контаминация разных стилистических слоев лексики: прямая речь содержит лексические единицы разговорного плана (*померещилось, спяну* (разг.)) [45]), слова автора – лексема литературного языка. В целом синкретизм – характерная черта поэтики В. Войновича, так, например, «...контаминацию (смещение и совмещение) признаков различных жанров» в творчестве писателя отмечает в своих исследованиях М. В. Покотыло [22, с. 156; 23]. Анализ контекстов из указанного произведения В. Войновича в рамках нашего исследования позволяет сделать вывод о том, что синтаксическая конструкция прямой речи достаточно часто реализует Каузатор с семантической ролью Содержание.

Для эмотивных предикатов *успокоить, утешить (себя)* характерно то, что в роли Каузатора-Содержания выступают слова ментального плана – *мысль, изображение, дума*, которые нуждаются в обязательном распространении, поскольку часть, содержащая прямую речь, или придаточная часть сложноподчиненного предложения восполняют их семантическую недостаточность. В конструкциях такого рода связь между эмоциональным переживанием и его содержанием более тесная.

Данные рассуждения привели нас к выводу о том, что развернутый Каузатор-Содержание при переходных предикатах типа *утешать, успокоить (себя)* является обязательным, а формы его представления разнообразны (прямая речь, придаточная часть сложноподчиненного предложения, разворачивание в макротекст и др.). Свернутый Каузатор-Содержание (лексема ментального плана) может быть имплицитивен.

Специфика предложений **второго подтипа** – с **возвратными эмотивными глаголами** – сводится к следующему.

В предложениях с возвратным глаголом (типа *Он успокоился*) ролевое соотношение между участниками ситуации изменяется. Это изменение обуславливается двумя факторами: а) какое имя заполняет валентность причины и б) к какой сфере относится это имя (к личной сфере самого субъекта или к сфере «чужого»).

Так, в следующем примере *Мужчинам остается утешаться только тем, что на футбольные матчи, наоборот, не пускают женщин* [11] развернутый Каузатор выражен указательным местоимением *тем*, соотносительным с придаточной частью сложноподчиненного предложения, описывающей ситуацию, и представлен семантической ролью Содержание (ср. трансформацию: *Мужчин утешает только то, что на футбольные матчи, наоборот, не пускают женщин*); каузирующий элемент не входит в сферу личности самого субъекта. В анализируемом предложении участник ситуации Носитель эмоционального состояния, выраженный нарицательным именем существительным (*мужчинам*), реализует семантические валентности Эксперимент и Пациент. Ср. аналогичный пример: *Гражданин Иванов успокоился положительным решением вопроса – Положительное решение вопроса успокоило гражданина Иванова* (каузирующий элемент *решение* выражен пропозитивным именем, не относящимся к личной сфере субъекта, поскольку решение исходит не от него).

Таким образом, мы видим тождество семантических ролей у Носителя – участника ситуации, выраженного возвратным местоимением *себя*, в конструкциях с переходным глаголом и прономинализованным местоимением *себя* (типа *Я утешала себя, что никто никогда не узнает этого*) и у участника ситуации, выраженного именем лица, в конструкциях с возвратным глаголом, каузирующий компонент которого выражает неличную сферу субъекта (типа *Гражданин Иванов успокоился положительным решением вопроса*).

Если же каузирующий компонент возвратного глагола эксплицитно (или имплицитивно) представлен лексемой, называющей нечто, что входит в сферу личности субъекта, испытывающего эмоцию, то в конструкции с возвратным глаголом наблюдается иное «распределение» участников ситуации и их ролей.

Так, участник ситуации, выраженный подлежащим, «раздваивается» на Каузатора (поскольку субъект сам каузирует у себя эмоциональное переживание) и Носителя, поскольку сам испытывает его. Назовем такого участника *я-Каузатор*. Этот участник ситуации характеризуется другим набором семантических ролей. Ср. описание своего состояния одним из спортсменов: *Был надломлен психологически. Но потом все само собой наладилось. Я стал потихоньку забивать, успокоился. Жаль, что это случилось только в конце сезона* (из устной беседы). В данном примере причиной эмоционального переживания, названного возвратным

глаголом *успокоился*, является, по-видимому, нечто, относящееся к личной сфере субъекта, чему он даже не может найти объяснения (*само собой наладилось*). Очевидно все же, что внутренняя деятельность спортсмена направлялась на то, чтобы преодолеть душевный (и физический) кризис. (Ср. тонкое наблюдение о том, что рациональное осмысление ситуации обуславливает физическое и эмоциональное состояние человека, в частности называемое глагольным предикатом *успокоиться*: *Слегка покачиваясь на мягких рессорах экипажа и не слыша более страшных звуков толпы, Раstopчин физически успокоился, и, как это всегда бывает, одновременно с физическим успокоением ум подделал для него и причины нравственного успокоения. Мысль, успокоившая Раstopчина, была не новая* [30]).

Следовательно, я-Каузатор представлен совмещенными семантическими ролями: Агенса (целенаправленно преодолел психологический надлом), Эксперия (воспринимал эмоциональный процесс) и Пациенса (подвергся эмоциональному изменению).

Таким образом, в предложениях с возвратными эмотивными глаголами субъект эмоции представлен разным набором участников ситуации и их семантических ролей в зависимости от того, каким именем реализуется каузирующий компонент и к какой сфере (по отношению к самому субъекту эмоции) он относится.

Нам представляется, что именно фактор личной сферы субъекта, которая является источником, т.е. фактической причиной каузации эмоционального переживания субъекта эмоции, позволяет трансформировать предложения с возвратным глаголом в предложения с переходным глаголом и прономинализованным местоимением *себя*, поскольку и в том и в другом есть сема *целенаправленность*, ср. представленный выше пример: *Был надломлен психологически. Но потом все само собой наладилось. Я стал потихоньку забивать, успокоился. Жаль, что это случилось только в конце сезона (из устной беседы) – ...Но потом я успокоил себя (мыслью), что все восстановится, наладится.*

Если же каузирующий компонент представляет «чужую» по отношению к субъекту эмоции сферу, то трансформации невозможны, ср.: *Гражданин Иванов успокоился положительным решением вопроса, которое было вынесено администрацией города – *Гражданин Иванов успокоил себя положительным решением вопроса, которое было вынесено администрацией города.*

2. Анализ эмотивных предикатов, описывающих **каузацию субъектом эмоционального переживания у другого лица**, привел нас к следующему пониманию их семантико-грамматических особенностей.

Распределение семантических ролей участников ситуации, описывающей каузацию субъектом эмоционального переживания у другого лица, обуславливается двумя разными видами каузации: намеренной и ненамеренной.

Показатели намеренной каузации переживания представлены эксплицитно, ср.: *– Ну, полно, полно, Захар Трофимыч! – говорил дворник, стараясь успокоить его, – что он тебе сделал?* [8] (деепричастие *стараясь*); *Она <Анна Михайловна> поспешила успокоить его* [31] (глагол *поспешила*). В приведенных примерах намеренная каузация осуществляется Каузатором, представляющим одушевленное лицо (*дворник*; *она*) с семантическими ролями Агенса и Содержание. Содержание расщепляется на Мишень (*дворник*) и Аспект (*прямая речь дворника*). Характерно, что Аспект (т.е. собственно слова или – шире – действия Каузатора) в предложениях подобного типа с эмотивным предикатом *успокоить* представлен только развернутой частью (прямой речью или «разворачиванием» в текст), а свернутая его часть эксплицитно не выражена, ср.: *... *говорил дворник, стараясь успокоить его словами.*

Одушевленный Каузатор при глаголе *успокоить* проецирует намеренность каузации, даже если внешние показатели отсутствуют, ср.: *Лидер страны, партии, перестройки, народ же ему <Горбачеву> тогда очень верил. Своим визитом (Горбачев) успокоил бы людей* [42]. В приведенном предложении предикат *успокоил* актуализирует скорее результат каузации переживания, нежели его намерение; импликация сводится к тому, что визит был бы продиктован необходимостью успокоить граждан. Если же Каузатор выражен предметным именем или именем ситуации, метонимически представляющими имя лица, то признак намеренности/ненамеренности каузации эмоционального переживания определить достаточно трудно, ср.: *Данный ответ способен успокоить руководителя, ведь подчиненный отсутствует потому, что решает трудовые задачи* [43]; *«Бегство в пижаме», как называет этот сценарий Spiegel, помогло бы египетским властям успокоить страсти манифестантов, требующих отставки президента, а глава государства <Мубарак> смог бы сохранить лицо* [7].

Ненамеренность каузации переживания может проявляться в предложениях с одушевленным Каузатором при глагольных предикатах иной семантической содержательности, например *расстроить*, ср.: *Она расстроила его своими словами* (при следующем прочтении: она не хотела его расстраивать своими словами, но он расстроился). В данном предложении Каузатор (*она*) представлен семантической ролью Содержание, которая расщепляется на Мишень (*она*) и Аспект (*словами*). При трансформации в предложение с возвратным глаголом семантическая роль Каузатора меняется, ср.: *Он расстроился из-за ее слов* (Каузатор-Причина *из-за ее слов*). Следовательно, между этими конструкциями устанавливаются конверсивные семантические отношения.

Участник ситуации, на которого направлена каузация, т.е. сам субъект или другое лицо, представлен разными семантическими ролями. Так, если он репрезентирует личную сферу субъекта и выражен возвратным местоимением *себя*, то представляет совмещенные семантические роли – Эксперия (потому что воспринимает эмоциональный процесс) и Пациенса (так как подвергается внутреннему изменению).

Если же участник ситуации, на которого направлена каузация, представляет другое лицо, то он репрезентирует свои семантические роли в зависимости от того, воспринимает ли он каузацию переживания со стороны другого лица положительно или отрицательно. Так, если он не «противится» каузируемому эмоциональному переживанию, то Носитель представлен совмещенными семантическими ролями Эксперия и Пациенса (как и в предложениях с местоимением *себя*), ср. предыдущие примеры. Если же участник

ситуации в силу каких-либо причин осознанно противостоит каузируемому эмоциональному переживанию, то он реализует только семантическую роль Эксперимент (воспринимает эмоциональное переживание), поскольку не желает подвергаться внутреннему изменению, ср.: *Он пытался утешить своего друга, но тот ждал от него не утешения, а реальной помощи.*

Оппозиция намеренности/ненамеренности каузации эмоционального переживания предопределяет и возможность/невозможность преобразований. Ср.: *«Но, верно, это всегда так бывает и так надо, – утешал он себя. – И, впрочем, что же я сделал для этого? Когда это началось?»* [32]. Так как субъект каузирует сам у себя эмоциональное переживание намеренно, то равнозначной трансформации с возвратным глаголом быть не может, поскольку семантика возвратного глагола актуализирует бессознательное, ненамеренное переживание, ср.: **«Но, верно, это всегда так бывает и так надо, – утешался он».* Преобразование блокируется также наличием в исходной фразе вопросов, которые говорят о глубоком внутреннем самоанализе героя.

Если каузация эмоционального переживания направлена субъектом не на себя, а на другое лицо, то трансформация с возвратным глаголом невозможна, ср.: *Мама как могла утешала Татьяну, но при этом чувствовалось, что жалость к старшей сестре явно меньше, чем радость за младшую* [25]. – **Татьяна утешалась мамой.* Однако если Каузатор, выраженный пропозитивным именем, представляет собой какую-либо «часть» Носителя переживания (например, его мысли), то преобразования возможны, ср.: *Татьяна утешалась надеждами на скорое возвращение матери – Надежды на скорое возвращение матери утешали Татьяну.* В приведенных трансформациях реализуются конверсивные семантические отношения.

II. Опишем специфику *конструкций с переходными глаголами, которые, обозначая каузацию субъектом переживания у себя самого, профилируют только значение ‘эмоциональное переживание’; если объектом каузации выступает какое-либо другое лицо, то глаголы данной группы актуализируют две семы, накладывающиеся друг на друга: ‘причинять нравственные страдания’ и ‘причинять физические страдания’.* Характерным представителем этой группы является глагол *мучить*.

Причиной, которая «заставляет» субъекта погружать себя в эмоциональное переживание, называемое глаголом *мучить*, является его же собственный самоанализ, отражающий восприятие им окружающей действительности, людей – исследование своего духовного мира, анализирование своих поступков, высказанных слов и т.п. Ср.: *Его мучило сознание своей слабости* [35]; *Она мучила себя вопросом, не зря ли она так поступила.* На языковом уровне Каузатор представлен пропозитивными именами (*сознание*) или словами типа *вопрос, загадка*. Характерно, что причинный компонент предиката *мучить* в приведенных контекстах дает представление о ненамеренной каузации чувства – оно на подсознательном уровне возникает у человека и не дает ему покоя.

Внутренняя, личностная сфера субъекта является истинной причиной каузации эмоционального переживания, называемого переходным глаголом *мучить*, даже в том случае, если на поверхностно-синтаксическом уровне Каузатор представляет другое лицо. Ср.: *– Ах, знаешь ли, Nicolas, Николенька так часто меня мучит, – сказала графиня Марья* [37]. В данном предложении эмоция субъекта связана с заботой, волнением, беспокойством о близком человеке, но здесь не физическое лицо, выраженное лексемой *Николенька*, вызывает у графини эмоциональное переживание мучения, а ее мучают ее же собственные мысли о судьбе Николая, его будущем. Ср.: *...мысль об опасностях, которым подвергался ее брат... мучила ее беспрестанно* [36].

В выражениях *он мучит меня своими истериками, вопросами, болезнями, своим характером* и подобных, по всей видимости, актуализируются две семы – *‘эмоциональное переживание’* и *‘физическое страдание’*, которые накладываются друг на друга, однако доминирует сема *‘эмоциональное переживание’*.

III. Охарактеризуем *эмотивные конструкции, содержащие переходные глаголы, которые обозначают каузацию субъектом эмоционального переживания у другого лица, но не могут обозначать каузацию эмоционального переживания у себя самого* (типа *возмутить кого-либо – *возмутить себя, опечалить кого-либо – *опечалить себя* и др.).

Причина эмоционального переживания, называемого глаголами типа *возмутить, опечалить* и подобными, может относиться только к личностной сфере субъекта, так как находится за пределами его физической и моральной составляющих. Чаще всего это события, поступки других людей, которые трактуются субъектом эмоции как не отвечающие его представлениям и вследствие этого вызывают соответствующее негативное переживание. Ср.: *Поступок старшеклассников возмутил учительницу – *Он возмутил себя своим поступком; Это известие опечалило меня – *Она опечалила себя этим известием.* В первом примере Каузатор представлен семантической ролью Содержание (ср.: *Поступок старшеклассников возмутил учительницу* <=> *Учительница возмутилась поступком старшеклассников*) и выражен пропозитивным именем (*поступок*). Во втором примере (*Это известие опечалило меня* <=> *Я опечалился из-за этого известия*) Каузатор представлен семантической ролью Причина (пропозитивное имя *известие*). Трансформации доказывают конверсивные семантические отношения в представленных предикатах.

IV. Опишем *эмотивные конструкции с глаголами, которые обозначают каузацию субъектом эмоционального переживания у другого лица; при этом они употребляются в литературном языке. Если каузация переживания направлена на самого себя, то глагол не только изменяет свою семантику, но и получает иную сферу функционирования – разговорную* (например, глагол *обидеть*). Глагол *обидеть* не может обозначать каузацию субъектом эмоционального переживания у себя самого; выражение «но я и себя не обижу» представляет собой устойчивый оборот и здесь не рассматривается.

Субъект может каузировать эмоцию, называемую переходным глаголом *обидеть*, у другого лица. При этом субъект выступает в роли говорящего и может быть обозначен личным местоимением *я*. Ср.: *Я обидел друга своими несправедливыми словами.* Эта же ситуация может быть описана возвратным глаголом,

ср.: *Друг обиделся на меня за мои несправедливые слова.* Эмотивная ситуация, представленная переходным и возвратным глаголами *обидеть – обидеться*, описывается здесь с точки зрения Каузатора (*я*). При этом трактуемой стороной эмоциональной ситуации является именно Носитель эмоции (*друг посчитал мои слова обидными для себя*), поскольку Каузатор (*я*) мог осознанно или неосознанно совершить действия, каузировавшие негативную эмоциональную реакцию Носителя эмоции.

Если эмоциональное переживание описывается с точки зрения Наблюдателя (т.е. позиция Носителя эмоции замещена именем собственным), то контексты с возвратным и переходным глаголами *обидеться, обидеть* требуют обязательного распространения. Это обусловлено тем, что Наблюдатель описывает внешние признаки Носителя эмоции, «через» которые визуальное «прочитывает» эмоциональное состояние последнего, ср.: *Было видно, что Петька обиделся на друга за его слова. Он сразу как-то сник, потерял интерес к разговору – Было видно, что друг обидел Петьку своими словами. Он сразу как-то сник, потерял интерес к разговору* и т.д. (ср. высказывание писателя-психолога Л. Н. Толстого: «В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест этот подсказывает мне глагол, чтоб дать движение, вскармливающее психологию» [Цит. по: 3]). Важным представляется то, что действия Каузатора (*друг*), каузировавшие эмоциональное переживание обиды у Носителя эмоции, квалифицируются как негативные именно с точки зрения последнего. Эти два фактора (точка зрения Наблюдателя и квалификация Носителем действий Каузатора как негативных) обуславливают факультативное употребление оценочных прилагательных во фразах с возвратным глаголом (ср.: *Петька обиделся на друга за его [несправедливые] слова*) и блокируют употребление оценочного прилагательного в предложениях с переходным глаголом, ср.: *Друг обидел Петьку своими [*несправедливыми] словами.*

При определении специфики семантики каузации в возвратном глаголе *обидеться* особенно важным представляется следующее. Семантическая структура этого глагола, описывающего отношение обиженного к «обидчику», может включать в себя два семантически разных Каузатора: «личностный» и «ситуативный». Так, Каузатор-Содержание, имеющий валентность *на кого / за что* (ср.: *Я обиделся на него за то, что он не приехал ко мне в гости*), реализуемую расщепленными семантическими ролями Мишень (*на него*) и Аспект (*за то, что он не приехал ко мне в гости*), мы называем «личностным», поскольку для Носителя эмоции важными представляются именно отрицательные качества личности адресанта (его несобранность, забывчивость, необязательность и т.д.), которые привели к соответствующему результату. При этом подразумевается «упрек другому» лицу.

Каузатор «ситуативный» с семантической ролью Причина имеет валентность *из-за чего, потому что*, при этом каузирующий компонент может быть развернутым – выраженным придаточной частью сложноподчиненного предложения (ср.: *Я обиделся из-за того < потому >, что он не приехал вовремя*) и свернутым – выраженным пропозитивным словом (ср.: *Я обиделся из-за его опоздания*). Здесь возвратный глагол *обидеться* «объясняет» эмоциональное состояние Носителя, для которого важной представляется именно ситуация отсутствия другого лица в строго определенное время.

Таким образом, эмотивные глаголы, называющие динамический процесс во внутренней эмоциональной сфере человека, отражают в своей семантике пересечение всего комплекса языковых значений, передают множество разнообразных ракурсов богатых смысловых и грамматических отношений между субъектом и объектом.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. 767 с.
2. Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология, грамматика, семантика (К 65-летию В. С. Храковского). СПб.: Наука, 1998. С. 273-281.
3. Балаганина Л. Н. Метафорические концепты эмоциональных состояний [Электронный ресурс]. URL: <http://frfg.utmn.ru/last/No13/text03.htm> (дата обращения: 14.09.2013).
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Вертелова И. Ю. Концептуализация внутреннего мира человека в русском языке: психические состояния печали: автореф. дисс. ... к. филол. н. Калининград, 2001. 22 с.
6. Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00572511189875462112> (дата обращения: 14.09.2013).
7. Воропаев В. Мубарак уходит на больничный [Электронный ресурс] // Известия. 2011. 9 февраля. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=sas1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%20%F3%F1%EF%EE%EA%EE%E8%F2%FC&p=6&docid=17432&sid=6 (дата обращения: 10.09.2013).
8. Гончаров И. А. Обломов [Электронный ресурс]: роман в 4-х ч. Ч. 1. URL: <http://ilibrary.ru/text/475/p.10/index.html> (дата обращения: 14.09.2013).
9. Гордон Е. Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. Душанбе, 1981. 152 с.
10. Домрачев В. На кубок Харламова пришли даже баскетболисты! Среди многочисленных болельщиков на премьерке плей-офф в Москве оказался центровой «Химок» Алексей Саврасенко [Электронный ресурс] // Советский спорт. 2011. 12 марта. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=sas1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%EE%E3%EE%F0%F7%E0%E5%F2 (дата обращения: 14.09.2013).
11. Инь Н. Олимпиада в Чадре. Корреспондент «СС» побывала на закрытых для мужских глаз исламских женских играх [Электронный ресурс] // Советский спорт. 2005. 10 октября. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=sas1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%F3%F2%E5%F8%E0%F2%FC%F1%FF%20&p=1 (дата обращения: 10.09.2013).

12. **Иорданская Л. Н.** Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970. Вып. 13. С. 3-26.
13. **Каузальность и структуры рассуждений в русском языке:** межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. М. В. Всеволодова, А. Н. Латышева. М., 1993. 173 с.
14. **Ковалева М. С.** Глаголы смеха в русском и английском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. С. 115-119.
15. **Кондаков Н. И.** Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1971. 290 с.
16. **Мельчук И. А.** Русский язык в модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст». М. – Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995. 682 с.
17. **Обзор работ зарубежных лингвистов по русской морфологии (1970-1985 гг.)** / под ред. К. В. Горшковой и Е. В. Петрухиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 203 с.
18. **Падучева Е. В.** Наблюдатель и его коммуникативные ранги // Научно-техническая информация. Серия 2. 1998. № 12. С. 23-28.
19. **Падучева Е. В.** О роли метонимии в концептуальных структурах // Диалог' 99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям: труды международного семинара: в 2-х т. Таруса, 1999. Т. 1. Теоретические проблемы. С. 215-224.
20. **Падучева Е. В.** Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 1. С. 18-30.
21. **Переверзев К. А.** Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологий // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 107-118.
22. **Покотыло М. В.** Жанровые контаминации в цикле «Сказки для взрослых» В. Н. Войновича: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22). Ч. 1. С. 155-159.
23. **Покотыло М. В.** Контаминация жанровых признаков в романе В. Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 129-132.
24. **Попович Т. И.** Актуализация каузаторов эмоционального концепта страх (на материале современного англоязычного художественного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 133-136.
25. **Прибутковская Н.** Я ненавижу свою сестру [Электронный ресурс] // Труд-7. 2010. 13 мая. URL: http://search.ruscorp.org/search.xml?env=sas1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%F3%F2%E5%F8%E0%E0 (дата обращения: 10.09.2013).
26. **Романовская И. Э.** Эмотивные глаголы в залоговых конструкциях // Морфология глагола и структура предложения: сб. науч. тр. Новосибирск: АН СССР, 1990. С. 137-145.
27. **Русская грамматика:** в 2-х т. М.: Издательство «Наука», 1980. Т. I. 789 с.; Т. II. 714 с.
28. **Талашова Н. Г.** К вопросу о косвенном описании мужских отрицательных эмоциональных состояний в англоязычном художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25). Ч. 2. С. 180-183.
29. **Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость** / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. 370 с.
30. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс] // Собрание сочинений: в 8-ми т. Т. 3. Ч. 3. URL: <http://ilibrary.ru/text/11/p.250/index.html> (дата обращения: 11.09.2013).
31. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Т. 1. Ч. 1 URL: <http://e-libra.ru/read/315630-vojna-i-mir.-tom-1.html> (дата обращения: 11.09.2013).
32. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Т. 1. Ч. 3. URL: <http://e-libra.ru/read/315630-vojna-i-mir.-tom-1.html> (дата обращения: 11.09.2013).
33. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Т. 1. Ч. 3. Гл. VI. URL: <http://ilibrary.ru/text/11/p.52/index.html> (дата обращения: 11.09.2013).
34. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Т. 2. Ч. 3. Гл. XVIII. URL: <http://ilibrary.ru/text/11/p.120/index.html> (дата обращения: 11.09.2013).
35. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Т. 3. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=5240&page=161> (дата обращения: 11.09.2013). 36. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Т. 4. Ч. 1. URL: <http://vojna-i-mir.narod.ru/tom4/chast1/glava6.html> (дата обращения: 11.09.2013).
36. **Толстой Л. Н.** Война и мир [Электронный ресурс]. Эпилог. Ч. 1. URL: <http://ilibrary.ru/text/11/p.348/index.html> (дата обращения: 11.09.2013).
37. **Улуханов И. С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с.
38. **Хааг Эрика-Оксана.** Лингвистическая интерпретация причинных отношений // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс: сб. тезисов. М.: Изд-во МГУ, 2001.
39. **Храковский В. С.** Диатеза и референтность: к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / АН СССР, Ин-т языкознания / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1981. С. 5-39.
40. **Храковский В. С.** Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 124-152.
41. **Черных Е.** Егор Лигачев: «Странно, конечно, что Горбачев не съездил в Чернобыль» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2011. 28 апреля. URL: http://search.ruscorp.org/search.xml?env=sas1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%F3%F1%EF%EE%EA%EE%E8%EB&p=1 (дата обращения: 09.09.2013).
42. **Чудова Н.** «Почему вы так часто отсутствуете на рабочем месте?» [Электронный ресурс] // Труд-7. 2011. 11 марта. URL: http://search.ruscorp.org/search.xml?env=sas1&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr_tagging&lang=ru&req=%20%F3%F1%EF%EE%EA%EE%E8%F2%FC&p=4 (дата обращения: 11.09.2013).
43. **Шустова С. В.** Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филол. н. Пермь, 2011. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a164.php> (дата обращения: 02.10.2013).
44. <http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov/p/pomereschitsja.html> (дата обращения: 12.09.2013).

SEMANTIC AND GRAMMATICAL FEATURES OF EMOTIVE VERBS DESCRIBING CAUSATION BY SUBJECT OF HIS OWN EMOTIONAL EXPERIENCE AND EMOTIONAL EXPERIENCE OF ANOTHER PERSON

Polezhaeva Svetlana Serafimovna, Ph. D. in Philology
Taras Shevchenko Transnistria State University (Moldova)
pssd@idknet.com

The article considers the constructions with emotive verbs that describe the causation by subject of his own emotional experience and emotional experience of another person. The possibility/impossibility of transforming sentences with a reflexive verb into sentences with a transitive verb and a pronominalized pronoun –self? is analyzed. The semes –purposefulness”, –premeditation” of causation etc. are the factors of transformation, they are actualized in a different way in the semantic structure of verbs that describe the causation by a subject of emotional experience of his personal sphere or the sphere of another person; and they also condition the set of situation participants and the distribution of their semantic roles.

Key words and phrases: verb; emotiveness; causation; reflexivity; communicative rank; diathesis.

УДК 8;821.161.1

Филологические науки

В статье осмысляются различные аспекты поэтики игры в современной отечественной литературе на материале повести Л. Е. Улицкой «Веселые похороны». Прослеживается, как игра в самых разных ее проявлениях: моделирование особого игрового пространства, театрализация действительности, игровое поведение героев – образует неявный сюжетный стержень произведения, трансформирующий реалистический текст.

Ключевые слова и фразы: современная отечественная литература; поэтика игры; театрализация действительности; тема смерти в литературе.

Полупанова Анна Владимировна, к. филол. н.
Башикирский государственный университет
avrolupanova@mail.ru

**ИГРА И ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ Л. Е. УЛИЦКОЙ «ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ»©**

*Я всегда твердил, что судьба – игра.
И. Бродский.*

Игровая концепция действительности и человеческого существования, понимание жизни, культуры и творчества как символической игры глубоко осмыслены в концепциях философов, культурологов, психологов, литературоведов И. Канта [7], Х.-Г. Гадамера [6], Й. Хейзинги [16], Э. Берна [2], М. М. Бахтина [1], М. Н. Эпштейна [18], Ю. В. Манна [12] и др. Апология игры, восходящая еще к определению Гераклитом вечности как «играющего дитя» [11], проходит через всю историю философско-эстетической мысли и продолжает существовать в философии и культурологии XX-XXI вв. Игра – неотъемлемое свойство и сущностная грань бытия. По словам И. Б. Шубиной, «игра обнаруживает себя всюду, где авторитет субъективности выше авторитета объективности, где гносеология заменяется феноменологией, истинность – интенциональностью, когда творчество моделирует мир, не очень заботясь об адекватности, признавая *a priori* непознаваемость –ещей в себе», вероятность всякого знания» [17, с. 17]. Й. Хейзинга источник любой культуры усматривает в способности человека к игровой деятельности. Каждый, как показал ученый, кто обращается к анализу феномена игры, находит ее как некую данность, предшествующую самой культуре, сопровождающую и пронизывающую ее от истоков вплоть до той фазы культуры, в которой живет сам: «Он всюду обнаруживает присутствие игры как определенной особенности или качества поведения, отличного от обыденного поведения в жизни» [16, с. 22]. Важнейшие виды первоначальной деятельности человеческого общества неразрывно связаны с игрой. Литература и философия, искусство и наука, юридические и социальные институты – все это, по Й. Хейзинге, коренится в способности человека к игре, понимаемой как антиавторитарная, бескорыстная и свободная деятельность.

В искусстве и литературе игра обретает особый статус и значение. Категория игры становится существенно значимым элементом поэтики крупнейших писателей XIX – начала XXI в. В прозе Людмилы Улицкой (р. 1943) игра выступает не только – на очевидном, повествовательном уровне – как важнейший принцип организации текстового пространства, но и – на более глубинном – как ключ к постижению